

Ю.А. Скуба

Санкт-Петербургская средняя общеобразовательная школа № 508

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С.Т. АКСАКОВА

В статье предлагается новый взгляд на творчество С.Т. Аксакова в культурно-историческом аспекте. Если в перспективе наследниками традиций аксаковской прозы можно считать Бунина, Осоргина, Шмелева, Пришвина, то в ретроспективном плане речь идет не столько о персоналиях, сколько об определенных архетипических паттернах, связанных с традиционными представлениями о семейных отношениях, смене поколений и о проблеме власти. В этом аспекте национальным ориентиром для С.Т. Аксакова, на наш взгляд, мог быть «Домострой», а в широком европейском плане – труды Аристотеля, Ксенофонта Афинского и Гесиода.

Историко-литературный аспект, культурно-исторический аспект, семейные отношения, жанр наставления.

Художественно-автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова («Семейная хроника» – «Детские годы Багрова-внука» – «Воспоминания») занимает свое законное место в историко-литературном контексте 1840–1870-х годов. Вполне различимы его творческие взаимовлияния с писателями той поры – Гоголем, Гончаровым, Тургеневым, Щедриным и Толстым. На перспективу развитие аксаковских традиций просматривается очень широко. Так, его очевидными художественными наследниками явились в XX веке Бунин, Осоргин, Шмелев, Пришвин; позднее (в позднесоветскую эпоху) – Паустовский, Чивилихин, Солоухин. Но еще более впечатляющим является возможное восприятие художественного творчества Аксакова в *ретроспективном контексте*. То есть уже в самом Аксакове можно видеть невольного наследника давних традиций. Однако при этом придется иметь в виду контекст не историко-литературный, а более широкий – культурно-исторический. Тогда о прямом литературном «влиянии» говорить, конечно, не приходится. Речь может идти об архетипических паттернах подсознания, в которых обнаруживаются инстинктивные, почти врожденные представления о семье и смене поколений, об иерархии, о власти, о значимости хозяйствования и др.

Как известно, представления об архетипах и архетипичности выработал и привнес в гуманитарные науки К.Г. Юнг. Согласно его логике, внутренний (психический) опыт «обладает *априорной* структурой (курсив К. Юнга – Ю. С.), которая предшествует всякому сознательному опыту». Коротко говоря, душа человека «обладает своей особенной структурой и формой. <...> Структура – нечто данное, предусловие, которое заведомо присутствует в каждом случае. Это мать, матрица – форма, в которую вливается весь прочий опыт. С другой стороны, отец репрезентирует динамику архетипа, ибо архетип состоит как из формы, так и из энергии» [9, с. 198–199]. Понятие «паттерн» (с англ. – «модель, схема, шаблон») вошло в широкий обиход уже после Юнга; оно по значению

шире, но вполне согласуется с его суждениями. Паттерны бывают визуальные, а также психические, поведенческие и пр. По сути, архетипические паттерны – это набор инстинктов, мотивов и даже сценариев поведения, унаследованных людьми от далеких предков.

В национальном измерении ретроспективным культурным ориентиром для С.Т. Аксакова мог являться «Домострой» (XVI век) [5]. Знакомство главы семьи с этим культурным памятником не подлежит сомнению. Его младший сын, Иван Сергеевич Аксаков, в письме к родителям от 26.02.1850 г. (к этому времени уже публиковались отрывки из «Семейной хроники» отца, тем более известна была в семейном кругу работа над ее продолжением) сообщает: «Я прочитал на этой неделе весь “Домострой” по па Сильвестра и дивился, как могло родиться такое произведение: так многое в нем противно свойству русского человека! Я терпеть не могу правил в самой жизни и вообще не люблю обычая, как скоро уже он замерз, как скоро он покушается сделаться правилом и властвовать над жизнью» [1, с. 120]. Как известно, С.Т. Аксаков далеко не во всем бывал солидарен с идеями и суждениями своих сыновей, Ивана и Константина, известных деятелей славянофильства. И к «Домострою» он как писатель и глава патриархальной семьи мог испытывать и демонстрировать сочувственное отношение. Наверняка так и было, что вполне подтверждается содержанием его автобиографической трилогии.

Многое в «Семейной хронике» семейства Багровых оказалось выразительно сориентировано на принципы «Домостроя». И научные характеристики этого памятника, выработанные его комментатором В.В. Колесовым, вполне соотносимы с содержанием «Хроники». Например, такие:

«Особый упор делается на чувстве долга и на нравственных основах семейной жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг» [5, с. 312]; «Трипостасность “государя” дома в точности отра-

жает троящийся в сознании средневекового человека мир. В противопоставлении к жене он – муж, к сыну – отец, к домочадцам – хозяин, государь. <...> Домострой – древнейший памятник, в котором, между прочим, впервые появляются слова *мужчина* и *женщина*. Распределение понятий подчеркивается разными словами: *муж–мужик–мужчина*, *жена–женка–женщина*; эти слова постепенно становились знаками различных социальных признаков человека» [5, с. 335]; «Пусть это и звучит странно, но все же первоначально *идея женского равноправия развивалась именно в границах семьи и основывалась на разделении труда между супругами*» (Там же, с. 337)¹; «В Домострое женщина – хозяйка дома – в иерархии семейных отношений занимает свое особое место. Права и обязанности хозяина и хозяйки распределяются между ними, *почти не пересекаясь*, а это определяет и социальный ранг хозяйки в частной жизни дома. Только совместно муж и жена составляют “дом”» (Там же, с. 338).

От сторонних характеристик достаточно перейти к конкретному тексту «Домостроя», чтобы стали вполне очевидны примеры *невольной*, интуитивной смысловой зарифмованности автобиографического произведения Аксакова со многими тезисами древнерусского памятника. Это и есть выражение в том и в другом одних и тех же архетипических паттернов. Обратим внимание на тот факт, что из 67 глав «Домостроя» более половины (с 30 по 66) находят себе развернутое художественное соответствие в содержании «Семейной хроники». Вот как озаглавлены некоторые из них («Домострой»):

- «Как сохранять порядок домашний и что делать, если придется у людей чего попросить»;
- «Как хозяйке следует повседневно приглядывать за слугами в домашнем обиходе»;
- «Как жене с мужем советоваться каждый день»;
- «Как хозяину, выведав все, по заслугам жаловать слуг, а плохих наказывать».

Каждая из таких глав содержит конкретные, порой развернутые советы и рекомендации. А Аксаков, в свою очередь, в «Семейной хронике» на те же или подобные темы как бы вторит Сильвестру (предполагаемому автору «Домостроя»), иллюстрирует их, рассказывая о Степане Багрове. В частности, в упомянутой главе – «Как сохранять порядок...» (тридцать шестая, по структуре Домостроя) – именуются рекомендации по хозяйственным добрососедским отношениям: «...всякой ссуде определить бы цену: по нашим грехам какой не порядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, – и тому уплатить, у которого ссуда взята. А всякую ссуду и брать и давать честно, хранить крепче, чем свое, и в срок возвратить <...> тогда и еще дадут, да и дружба навек» (Там же, с. 172). Аксаков же, рассказывая о Багрове-старшем, даже расширяет и развивает эту норму взаимоотношений: «Он был истинным благодетелем дальних и близких, старых и новых своих соседей, особенно последних, по их незнанию местности, недостатку средств и по разным надобностям <...>. Полные амбары дедушки были открыты всем – бери, что угодно.

“Сможешь – отдай при первом урожае; не сможешь – бог с тобой!” С такими словами раздавал дедушка щедрою рукою хлебные запасы на семена <...> Мало того, что он помогал, он воспитывал нравственно своих соседей!» [2, с. 89]. Так «мертвая вода» архетипа добрососедских отношений окропляется «живой водой» жизненной практики.

В подобном преломлении (от архетипов взаимоотношений и поведения – через домостроевские принципы – к жизненной практике) представляются нам и другие темы: дифференциация отношения к слугам, взаимоотношения супругов, родителей и детей. Так, например, к домашним слугам (т.е. «дворовым людям») Багров проявлял больше строгости, что не исключало и снисходительности к их слабостям. К крестьянам же старик Багров, как правило, и более внимателен, и более благосклонен: «Староста уже видел барина, знал, что он в веселом духе, и рассказал о том кое-кому из крестьян; некоторые, имевшие до дедушки надобности или просьбы <...> воспользовались благоприятным случаем, и все были удовлетворены: дедушка дал хлеба крестьянину, который не заплатил еще старого долга <...> ; другому *позволил женить сына, не дожидаясь зимнего времени, и не на той девке, которую назначил сам*, и проч.» (Там же, с. 101).

А вот родному сыну он поначалу запрещал жениться по любви, и резоны у него были обыкновенные для той среды: «Во-первых, она *дворянка вчерашняя, а ты потомок самого древнего дворянского дома*. Во-вторых, она горожанка, ученая, бойкая, привыкла после мачехи повелевать в доме и привыкла жить богато, даром что сама бедна; а мы люди деревенские, простые, и наше житье ты сам знаешь; да и себя ты должен понимать: ты парень смиренный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнее себя – беда: будет командирша над мужем; а притом, ты так ее любишь, что на первых порах непременно избалуешь. Ну, так вот тебе мое отцовское приказание: *выкинь эту любовь из головы*» (Там же, с. 153).

Кстати, в этом случае Багрова-старшего нельзя назвать самодуром и семейным деспотом. Ведь и сам он в свое время женился сообразно патриархальным (фактически домостроевским) принципам: «...дедушка мой женился на Арине Васильевне Неклюдовой, небогатой девице, также *из старинного дворянского дома*. <...> Он не женился на *одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин*» (Там же, с. 77–78).

Однако времена изменились, и в случае с сыном вышло иначе. По этому поводу глава семьи даже счел возможным *посоветоваться с супругой*: “Ну что, Ариша (говорил он ей на следующее утро, разумеется наедине), как ты мекаешь? Ведь не позволим, так нам не видать Алексея как ушей своих: или умрет с тоски, или на войну уйдет, или пойдет в монахи – и *род Багровых прекратится*”. Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерью, как-то не испугалась за своего сына и отвечала: “Твоя воля, Степан Михайлович; что тебе угодно, того и я желаю; да только какое же будет от них тебе уважение, если они поставят на своем после твоего родительского запрещенья?”» (Там

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш, за исключением особо оговариваемых случаев.

же, с. 156). Последовал новый запрет. И лишь после угрозы сына добровольно уйти из жизни оба родителя дали-таки свое согласие на брак «по велению сердца».

Приведенный фрагмент характерен, помимо прочего, иллюстрацией одного из принципов Домостроя. Напомним, что права и обязанности хозяина и хозяйки распределяются между ними, *почти не пересекаясь*, а это определяет и социальный ранг женщины в частной жизни дома. Мы помним из характеристики «Домостроя»: *Только совместно муж и жена составляют «дом»*. В приведенном случае (когда дело касалось судьбы сына) права супругов как раз пересеклись, и оказалось, что в управлении семейной жизнью можно и должно руководствоваться не только единоличной волей патриарха, но и согласием супругов.

Кроме того, в приведенных фрагментах (и далее по всей автобиографической трилогии) Аксаков во многом актуализирует гендерную проблематику, далеко выходя за границы домостроевских принципов. Если там, согласно В.В. Колесову, уже была заложена «идея женского равноправия» (см. выше), то теперь Аксаков во многом дополняет близкий ему историко-литературный контекст (Гончаров, Достоевский и Толстой) и позволяет различить в его автобиографической прозе признаки художественной гендерологии (см. [8]). Сказанное намечает перспективу возможного продолжения научного исследования.

Перевод внимания с национального измерения на европейское еще более расширяет ретроспективный контекст восприятия произведений Аксакова, когда счет идет просто на столетия, но даже на тысячелетия. Если иметь в виду авторов и их создания, то ретроспективный контекст, своеобразные ступени от Аксакова «в глубь веков», можно выстроить следующим образом: Аристотель («Политика» – IV век до н. э.), Ксенофонт («О хозяйстве» – V век до н. э.) и Гесиод («Труды и дни» – VIII век до н. э.).

Косвенная тематическая взаимосвязь древнерусского «Домостроя» с аристотелевской «Политикой» замечена и прокомментирована В.В. Колесовым. Фактически в обоих произведениях сказывается общий архетипический фон. Древнегреческий мыслитель во второй главе своей книги рассматривает «политику дома» – семьи. Он учит «наживать состояние» трудом и правлением. «Наука о домохозяйстве, предполагает три элемента власти: во-первых, власть господина по отношению к рабам, во-вторых, отношение отца к детям, в-третьих, отношение мужа к жене. <...> Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя. Поскольку всякая семья – часть государства, следует воспитывать домочадцев в соответствии с их положением в рамках государственного (и семейного) строя» [5, с. 319]. Пожалуй, под этим подписался бы и Аксаков как автор автобиографической трилогии. Более того, как и в случае с древнерусским памятником, он многообразно иллюстрирует эти отвлеченные принципы и тезисы в своих произведениях.

Ксенофонт Афинский для нас особо примечателен. Название его трактата менялось: например, «О хозяйстве», затем «Домострой» (что соответствует славянскому переводу). В.В. Колесов считал, будто «это сочинение касается главным образом проблем

земледелия. Лишь в одном месте герой его – Исхомах – объясняет, что ему нет нужды постоянно находиться дома, поскольку ведению хозяйства он научил свою жену» [5, с. 318–319]. Однако наиболее авторитетный филолог-классик, С.И. Соболевский, указывал: «“Домострой” (Ксенофонт – Ю. С.) по содержанию делится на две части: в первой речь идет о домашнем хозяйстве, во второй – о земледелии» [6, с. 247]. Заметим и мы, в свою очередь, что, как свидетельствует текст трактата Ксенофонта, его советы по ведению домохозяйства развернуты и конкретизированы. Здесь, например, есть главы: «Хозяйство у дурных и хороших хозяев», «...Цель брака. Обязанности жены», «Домашнее благоустройство», «Об устройстве дома. Ключница. Значение хозяйки», «Управляющий. Выбор его и подготовка», «Законы для слуг о честности», а также, как уже сказано, целый ряд глав с конкретными советами по земледелию. Показательно, что спустя 27 веков у Аксакова именно баланс внимания к земельному хозяйству и к семейному укладу сказывается в его автобиографической трилогии.

Можно отметить и еще одно, почти парадоксальное соответствие между Ксенофонтом и Аксаковым. Древний грек имел «дом и участок земли в местечке Скиллунте в Элиде близ Олимпии. Здесь он жил с женой и двумя сыновьями, Гриллом и Диодором, и провел много лет вдали от общественной жизни, – занимался сельским хозяйством, охотой, литературными трудами и принимал друзей. Эта спокойная, идиллическая жизнь в очаровательном уголке продолжалась до 371 года» [5, с. XVIII]². Все это почти полностью предвещает условия жизни Аксакова (вплоть до сыновей). Поверх возможных, но в данном случае надуманных архетипических аллюзий, в этом можно видеть нечто вроде жизненных закономерностей: обоим знатокам и почитателям природы даровано было нечто общее и заслуженное.

Впечатляет и другое, уже творческое «совпадение»: Ксенофонт написал «Кинегетик», т. е. трактат об охоте с собаками, который содержит восхваление охоты и дает много практических указаний о дрессировке охотничьих собак, об охоте на зайцев, оленей, львов и других зверей. Интересен конец, где автор предостерегает молодых людей от увлечения софистами как преподавателями мудрости и добродетели и убеждает их отдать предпочтение охоте как занятию более пригодному для приобретения добродетели» (Там же, с. XXII). Во-первых, С.Т. Аксаков, как известно, впервые вышел к читателям со своими «записками» о рыбалке и об охоте. Во-вторых, и двух своих сыновей, деятелей славянофильства, он предостерегал от чрезмерного увлечения философскими идеями (в частности, модным гегельянством) (см. [7, с. 158–161]).

Ксенофонту в оценках его творчества повезло больше, чем Аксакову. Как писателя его «очень ценили в древности. Его называли аттической музой, аттической пчелой; Цицерон перевел его на латинский язык и находил, что его речь слаще меда и что его голосом как бы говорили Музы (“Оратор” IX 32 и

² См.: вступительная статья С.И. Соболевского в [6].

XIX 62); «сами Грации сложили его речь», по словам Квинтилиана (X 1, 82)» [6, с. XXII].

Последний, кого мы здесь упомянем, это Гесиод, который жил и писал еще раньше, чем Аристотель и Ксенофонт. Примечательно, что почти все принципы древнерусского Домостроя в сущности содержались уже в «Трудах и днях» Гесиода, первого по древности греческого поэта (VIII в. до н. э.). И еще характерно, что оба эти памятника построены как наставления родным: в Домострое как обращения к сыну, в Трудах и днях – к брату. При этом Гесиод писал заметно конкретнее, даже кропотливо (вплоть до уроков, как носить шапку зимой, чтобы не морозить уши, и из какой кожи шить обувь). Но нас сейчас интересует творчество Аксакова, и складывается впечатление, что он как бы следует некоторым заветам, оставленным Гесиодом.

Вот, например, древний грек учит хозяина поместья различать хороших и дурных соседей, а также как к ним относиться:

*Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, – когда еще пояс подвяжет
Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва – сосед нехороший; хороший – находка.
В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.
Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.
Точно отмерив, бери у соседа взаимы: отдавая,
Меряй такую же мерой, а можешь, – так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.*

[4, с. 62]

И Багров-старший у Аксакова будто бы усвоил эти уроки: мы уже отмечали выше, как относился в «Семейной хронике» Багров-старший к своим соседям и как благотворно влиял на них [2, с. 89].

Нужно заметить, что уже современники Аксакова указывали в связи с его сочинениями на аллюзии с древними греками. Например, С.П. Шевырев откликнулся на «Детские годы Багрова-внука» и назвал эту

книгу *русским отголоском Одиссеи*. Он имел в виду «спокойно-эпическое представление старой русской жизни» у Аксакова. И ведь критик «промахнулся» совсем немного. Как известно, Гомер остался автором почти мифологичным, тогда как Гесиод – первый по времени реальный писатель, будто бы современник и даже удачливый соперник Гомера [3, с. 31–32]. Как бы то ни было, с «Одиссеей» уместнее было бы сравнивать наше «Слово о полку Игореве» (с его мифическим Баяном). А Аксаков явился в литературе последователем Ксенофонта с его «Домостроем» и Гесиода с его «Трудами и днями».

Литература

1. Аксаков, И. С. Письма к родным. 1849–1856 (Литературные памятники) / И. С. Аксаков ; Т. Ф. Пирожкова, составление, статья, примечания. – Москва : Наука, 1994. – 653 с.
2. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений : в 4 томах / С. Т. Аксаков. – Москва : Художественная литература, 1955. – Т. 1. – 640 с.
3. Гаспаров, М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.
4. Гесиод. Полное собрание текстов / вступительная статья В. Н. Ярхо ; комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – Москва : Лабиринт, 2001. – 384 с.
5. Домострой (Литературные памятники) / В. В. Колесов, составление, перевод, статья. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 425 с.
6. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. – Москва; Ленинград : ARADEMIA, 1935. – 419 с.
7. Лобанов, М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков / М. П. Лобанов. – Москва : Молодая Гвардия, 1987. – 366 с.
8. Макаричева, Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского / Н. А. Макаричева. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГЭУ, 2019. – 301 с.
9. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 224 с.

Ju.A. Skiba

RETROSPECTIVE CONTEXT IN PERCEPTION OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF S.T. AKSAKOV

The article proposes a new approach to the creative works of S.T. Aksakov in the cultural and historical aspect. In the long run, Bunin, Osorgin, Shmelev, Prishvin can be considered the heirs of the traditions of Aksakov's prose. Retrospectively, Ju.A. Skiba emphasises certain archetypical patterns associated with the traditional ideas of family relations, a generational shift and the problem of power rather than personalities. In this aspect, the national standard for S.T. Aksakov could be «Domostroy», and in a broad European sense – the works of Aristotle, Xenophon of Athens and Hesiod.

Historical and literary aspect, cultural and historical aspect, family relations, genre of instruction.